

Уиллу, Эшу и Элизе

ПРЕЖДЕ НАЧАЛА

Одинокий мужчина неподвижно стоит в холле, его толстые ноги тонут в пыльных ботинках. Тусклый электрический свет освещает галактику эмульсионной краски, которая грубой штукатуркой отпечатывается на сером комбинезоне, туго обтягивающем бочкообразный живот. Словно перепачканные в муке пальцы слабеют под тяжестью инструментов, которые едва могут удержать. В полуживой ладони левой руки — молоток. В помертвевшей правой — небольшой топорик.

На скуле, под распахнутыми от ужаса глазами засыхает «слезинка» кремовой краски. Расширенные до предела зрачки вбирают зрелище того, что свисает с потолка.

Петли.

Под свежоокрашенным потолком холла, где оканчивается завязанный петлей электрический провод, стоит алюминиевая стремянка. Она разложена так, что напоминает эшафот. Свернутые

КОЛДУНЫ

7

белые чехлы от пыли образуют тропу от кухонной двери до лестницы.

К самодельной виселице.

Инструменты и разбросанный мусор — сухая штукатурка, обрезки дерева и язычки грязных обоев — устилают почерневшие от времени половицы. Одна половина холла девственно чиста и блистает свежей краской. Другая десятилетиями не слышала шороха кисти и не ощущала на себе обойного клея. Половинчатый дом. Настоящее и прошлое слились здесь воедино.

В удавку превращен белый электрический кабель для люстры, который мужчина *сам проложил накануне*. Только он не завязывал на конце петлю. И даже не знает, когда это произошло. Живет он один. Но чьи-то руки позаботились о том, чтобы шнур, предназначенный для освещения холла, послужил теперь для нагнетания мрачного ужаса. И вот в доме, который мужчина надеялся назвать своим, перед порогом с крест-накрест прибитыми досками висит петля и манит просунуть голову для примерки.

Желание отвести взгляд или закрыть глаза побуждает тот же импульс, который велел мужчине покинуть кухню, войти сюда и увидеть *это*. Одна нога просто следует за другой, пока осторожность и сдержанность не делают первые предупредительные выстрелы.

С нарастающим трудом мужчина шевелит губами, задавая вопрос то ли самому себе, то ли дому, то ли богам:

Адам Нэвилл

— Внутри? Как...

А затем, словно обращение к невидимым палачам, на кончике языка замирает простая, жалобная мольба:

— Пожалуйста.

В лихорадочных мыслях происходит короткая борьба, а затем тело мужчины напрягается. И, словно по льду, покрывшемуся паутиной трещин, он, запинаясь, движется вперед.

Грязная рука дергается, роняет молоток. Бам! Из другой руки выскальзывает рукоятка топорика. Бах! А ноги неумолимо, против собственного желания, шаркают по белой дорожке из льняных чехлов и несут вперед тяжелое тело.

Он неохотно идет к стремянке под петлей. Лицо у мужчины одутловатое и пурпурное из-за почек, он — узник, который отчаянно пытается освободиться. Его собственная воля связана ледяной веревкой, что затягивается все туже и тащит его вперед. К петле.

Мужчина против воли поднимается по металлическим ступеням. По всем трем, до самого верха.

Шух-скрип. Шух-скрип.

Не громче воздуха, который вырывается из ниппеля резиновой шины, он хрипит:

— Только не это... Я уйду... Обещаю.

Виселица стонет под его весом, когда мужчина принимает нужное положение на самодельном эшафоте. Руки, которые с тем же успехом могли бы принадлежать другому человеку, осторожно накидывают петлю на его шею. Заправляют узел

под челюсть. Затем затягивают шнур вокруг открытого щетиной горла.

Пока мужчина бессильно наблюдает, его первая нога вытягивается и висит в воздухе, протесты стремянки стихают, будто сами ступени затали дыхание.

Одна его нога все еще стоит на твердой поверхности, а другая уже нет, и с тонких губ мужчины срывается всхлип. Первый ботинок выдвигается дальше, переносит весь вес на пустоту и тянет за собой левый ботинок, чтобы сделать самый последний шаг, на который могут рассчитывать его ноги.

Тихий шорох витого шнура нарушает тишину холла. Тонкая струйка штукатурки сахарной пудрой присыпает скальп висельника.

На светлой стене, которую он недавно мастерски покрасил, отплясывает джигу его тень. Стальные носки ботинок рассекают воздух, резиновые подошвы дергаются в пустоте. Затем нога делает полуоборот и выбивает лестницу. И пока мужчина крутится в удушающих путях из уплотненного водонепроницаемого кабеля, его налившееся кровью лицо оплывает. Остатками зрения — в глазах уже темнеет от давления крови, которая не может покинуть череп — он замечает, как от стены рядом с кухней отделяется белое пятно.

В пелене, застилающей взгляд повешенного, большая часть фигуры незваного гостя остается нечеткой. Однако можно разглядеть, что существо ступает по-птичьи и осматривается. Затем

останавливается. По-девичьи тонкое, оно белеет в полутьме. Лишь голова темная. Потрепанная и с избытком зубов.

Существо стоит на одной ноге и указывает на повешенного.

Тот беззвучно дергает ботинками. Инерция разворачивает тело, пока мужчина вновь не оказывается лицом к порогу, недавно забаррикадированному от *этих*. С последней конвульсией по полу разлетается струя мочи, а тело снова начинает крутиться. Но на этот раз угасающий взгляд скользит лишь по голым стенам и пустой кухне. Там никого нет. Там вообще не на что смотреть, а затем свет в глазах гаснет.

1

Шесть месяцев спустя.

— Папа! Папа! Твоя очередь!

Том краем глаза видит бледную, излучающую нетерпение сферу — голову Грейси. За крошечными чертами лица дочери скрывается ум четырехлетней девочки, увлеченной игрой «Я — шпион». Отвлекающий маневр, который предприняла его жена, чтобы справиться с непоседливостью Грейси.

Сейчас очередь Тома. Опять. Вот что придется делать, становясь папой. Принимать удар на себя. Но Том не может придумать ни одной подсказки, поскольку его голова занята другим. Жена и дочь сидят рядом с ним, но напоминают пассажиров на перроне, размытых длинным поездом стремительных мыслей. Внимание Тома разрывается между управлением незнакомым автомобилем, наблюдением за навигатором, чтобы не пропустить поворот к деревне, и шквалом воспоминаний. Воспоминаний, пронизанных

Адам Нэвилл

12

воображаемыми катастрофами и радостными сценариями будущего его семьи в новом доме: все расцветает, несется, увядает, снова расцветает.

К тому же он не может объяснить Грейси свою рассеянность. Свои сомнения. Свою неспособность осознать громадность этого момента новой жизни, которая скоро начнется в их собственном доме. В их собственном доме. *Их. Доме.* Со времен детства Тома это слово не обладало подобной силой.

Сегодня Том не чувствует себя самым собой, ему кажется, что нужна новая личность, которая более соответствовала бы недавно приобретенному статусу домовладельца. Только он не знает, что требуется для этой роли.

Получив, наконец, ключи и документы на дом, он словно вышел из темной комнаты, черты и детали которой были смазаны его тревогой. Из комнаты, которую ему давно хотелось покинуть. Из взятого в аренду замкнутого пространства, принадлежавшего кому-то другому. Домовладельцу, который в любой момент мог велеть ему убираться или потребовать дополнительную плату за пребывание в этих унылых пределах. Однако беспокойное, нетерпеливое ожидание выхода не покидало его и сегодняшним утром, будто Том всего лишь вошел в другую такую же комнату, черты которой тоже скроет его тревога. И все сначала.

Конечно, со временем он приспособится. Но прямо сейчас звание домовладельца выглядит

неуместно. И сравнения с другими судьбоносными событиями прошлого тут не годятся, но это все, на что он может опереться. Вот, например, встреча с Фионой, его женой, — он очень долго хотел ее издалека, прежде чем начал ухаживать. А когда все-таки набрался смелости и пригласил на свидание, пришлось ждать, пока она свяжется с ним, и мучиться от призрачной боли в животе. А на первом свидании ее ладонь легла на его руку, и Том сразу понял, что теперь они вместе. Фиона проложила новый курс его жизни — куда замечательнее того, где он барахтался в одиночку.

Грейси. Чуду предшествовали два года тщетных попыток завести ребенка. Они почти сдались, но девять месяцев спустя у него на руках уютно лежала завернутая в белые полотенца малышка и впервые моргала затуманенными глазами. Том никогда до конца не верил, что однажды станет отцом.

Мечты сбываются. Горячее желание вознаграждается.

«Но это...»

Так или иначе, приобрести собственный дом и больше не снимать жилье у безразличных и бессовестных людей, живя в состоянии вечного компромисса и недовольства, было самым трудным из возможного. Из-за денег.

— Папа-а-а! Ну! Давай! Твоя очередь! Давай!

— А если я похожу? — примирительно спросила Фиона.

— Нет. Папина очередь!

Адам Нэвилл

Существует порядок вещей, правила. Многие из них неписанные, но все-таки есть. Это вам и четырехлетний ребенок скажет. И в существующем порядке вещей Тому не суждено было стать домовладельцем. То, через что пришлось ради этого пройти, состарило и вымотало его куда сильнее, чем он предполагал. Только для того, чтобы оказаться здесь, он сжег нервы, которые, возможно, уже не заменить.

Теперь же, с ключами в кармане — такими горячими и неудобно прижатыми к бедру, — его мучает мысль о том, сколько нужно зарабатывать, чтобы заплатить рабочим; чтобы покрыть ремонт и улучшения, которые придется сделать своими руками; чтобы их дом стал пригодным для жилья. И Том подозревает, что в следующем году у него обуглится еще больше предохранителей.

«Не все сразу, приятель. Мы в деле».

Том отвлекается от самого себя, чтобы сделать вялую попытку дать Грейси подсказку.

— То, что начинается на... — Ни малейшей идеи. Его взгляд рыщет за лобовым стеклом, за боковым. — Начинается на...

Грейси напрягается, охваченная страстным желанием угадать раньше мамы.

Мимо проплывают обширные, просторные сельскохозяйственные угодья. Но там мало что может послужить подсказкой, подходящей для его дочери. Трава. Забор. Корова. Дом. Дерево. Ворота. Дорога. Все это уже загадывалось и угадывалось. Больше ничего нет.

